

Идеал советского писателя в нарративах эвакуированных литераторов в годы Великой Отечественной войны

Научный руководитель – Карасёва Анастасия Александровна

Семёнов Кирилл Захарович

Студент (бакалавр)

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

E-mail: sk0595@mail.ru

Начиная с первых лет существования, советская власть уделяла особое внимание литературному процессу. Сначала шли поиски организационного формата, в последующем внимание привлечёт вопрос о моральном облике - «идеале советского писателя». Первая подобная попытка была предпринята А. М. Горьким. Накануне I съезда Союза Советских Писателей (ССП) в газете «Правда» от 14.07.1934. публикуется статья «О литературных забавах». В статье Горький сетовал на порчу «литературных нравов» и указывал, на «разлагающее влияние некоторых «именитых» писателей из среды тех, которые бытуют в кабачке имени Герцена» [3, А. М. Горький, 1934:2].

С окончанием советско-финской войны и нарастанием противоречий с Германией, вопрос о том, каким должен быть идеальный советский писатель, становится вновь актуален. В этих условиях тема собрания советских писателей от 24 сентября 1940 г. «О моральном облике советского писателя и о задачах советской литературы» была объяснима. В ходе доклада, руководитель ССП А. Фадеев не только анализирует отрицательные качества писательского быта, которые должны быть чужды «идеалу советского писателя», но и ставит важный вопрос для каждого из литераторов: «Что требует от нас суровое время, в котором мы живём, время военное?» [1, Стенограмма доклада Фадеева А. А., Л. 27].

Ответ на этот вопрос попытался дать А. А. Сурков, в своём выступлении он говорит: «Для того, чтобы быть хорошим писателем и поэтом, нельзя быть плохим гражданином, нельзя быть плохим членом общества, в котором живёшь и которому адресуешь книги». Таким образом, А.А. Сурковым была предложена модель «идеала советского писателя». Несоответствия этой модели А. А. Сурков видел в поведении Льва Рубенштейна: «Если вы обливаете в батальном романе свой путь кровью, а, вместе с тем, понюхав живой человеческой крови на утоптанном снегу, вдруг берёте ноги в зубы и давай бог ходу, - то я не знаю, как вы можете учить людей жизни?» [1, Стенограмма доклада Фадеева А. А., Л. 27]. Таким образом, до войны представление об образе советского писателя существовало не только «исключительно на обывательском уровне», как в своей книге утверждает В. А. Антипина [4, Антипина, 2005:159].

Создание «идеала советского писателя» продолжалось и с началом Великой Отечественной войны. 20 августа 1941 г. в «Литературной газете» была опубликована статья «Место литератора в Отечественной войне». В статье авторы уделяли значительное внимание единству фронта и тыла и вновь ставили вопрос: «Что я сделал сегодня для родины, чем я могу быть ещё полезен?». Авторы статьи акцентировали внимание на том, что многие писатели воевали на фронте и работали военными корреспондентами, занимались политической пропагандой в тылу. Писателям, «оказавшимся оторванным от центральных издательств и газет» рекомендовалось «включиться в работу, которую ведёт всё население - по охране зданий, электростанций, уборки урожая и т. д.». [6, Мы предчувствовали полыхание. . . , 2015, II:55-60].

Анализируя деятельность писателей, секретарь правления ССП В. Я. Кирпотин, отмечал, что в большинстве своём «писатели нашли своё место на войне», однако присутствовали случаи, когда поведение писателей нарушало «идеал советского писателя» [6, Мы

предчувствовали полыхание. . . , 2015, II:59]. В. Я. Кирпотин в письме от 26 августа 1941 г., очень резко описывал поведение Леонова, который «стал спекулировать на истерике, желая этим добыть себе разрешение, официально оформленное, для отъезда в Чистополь» [6, Мы предчувствовали полыхание. . . , 2015, II:59]. Случай с Леоновым был не уникален: довольно часто просьба писателя освободить его от службы (как сделал, например Ф. И. Панфёров) являлась основанием для исключения из партии или увольнения.

Отношение к эвакуированным в писательской среде действительно было разным. Так, на расширенном заседании президиума ССП СССР 26-27 января 1941 г., А. Фадеев положительно оценит поведение большинства членов ССП, при этом отметит, что В. Я. Кирпотин уехавший в Ташкент, Вс. Иванов, не вернувшийся из эвакуации после проводов семьи, Лежнёв, решивший перебраться из Казани в Ташкент, и Голодный, уехавший из фронтовой газеты «растерялись, перепугались и побежали слишком далеко, куда не требовалось» [2, Стенограмма расширенного заседания Президиума ССП, Л. 23]. Также и не соотносилось с образом «настоящего советского писателя» поведение В. Луговского. В июне 1941 г. он, следовавший к Северо-западному фронту, попадёт под страшную бомбёжку в районе Пскова. Дальнейший его приезд в Москву и эвакуация с семьёй, сделают Луговского нерукопожатным среди писателей. В книге Н. Громовой приводится письмо Тарасенкова к М. Белкиной от 30 ноября 1941 г., где он просит предать привет друзьям, далее Тарасенков делает замечание «Только псевдодрузьям - беглецам типа Вирты - Луговского - Соболева приветов не передавай. После войны выгоним их из ССП» [5, Громова, 2019:71].

Таким образом, мы видим, что формирование «идеала советского писателя» началось еще в начале 1920-х гг. На довоенном этапе, писательским сообществом был определён тот порядок качеств, который должен был быть чужд советскому писателю. Также А. А. Сурковым была предложена модель «идеала советского писателя» в условиях военного времени. С наступлением войны, модель А. А. Суркова дополняется новыми качествами. Занятость писателя в тылу или на фронте, настойчивость и активность - именно эти качества добавились к уже существующему образу. В дальнейшем поведение членов ССП должно было соотноситься с предложенным «идеалом советского писателя». Несоответствие предложенной модели поведения, как, например, в случае с решением части писателей избежать службы или эвакуироваться (решения В. Я. Кирпотина, Вс. Иванова, И. Г. Лежнёва, М. С. Голодного, В. А. Луговского), приводило к разделению писательского сообщества и становилось причиной дальнейших конфликтов.

Источники и литература

- 1) 1. Стенограмма доклада Фадеева А. А. на тему «Моральный облик советского писателя» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 469.
- 2) 2. Стенограмма расширенного заседания Президиума ССП о работе писателей в дни Отечественной войны // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 576.
- 3) 3. Горький А. М. О литературных забавах // Правда. 1934. № 162 (6048).
- 4) 4. Антипина В. А. Повседневная жизнь советских писателей, 1930 – 1950-е годы. М., 2005.
- 5) 5. Громова Н. А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М., 2019.
- 6) 6. Мы предчувствовали полыхание. . . . Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. Документы и комментарии. Т. 2: книга 1 / рук. Коллектива Т. М. Горяева, сост. В. А. Антипина, З. К. Водопьянова (отв. сост.), Т. В. Домрачева. М., 2015.